

Вспоминая...

Благодаря регулярному участию в студенческих конференциях Тартуского университета, а затем полугодовой стажировке на кафедре русской литературы Тартуского университета, впоследствии, уже куда реже, на конференциях, судьба даровала мне возможность общения с замечательными и добрейшими людьми — Зарой Григорьевной Минц и Юрием Михайловичем Лотманом. И дружбу с их сыном и моим соавтором Михаилом Лотманом, хотя мы так и не написали той великой совместной статьи, над которой ввиду не совсем понятного графика работали по ночам и которую все еще надеемся дописать²⁴.

Возможность войти в их гостеприимный дом, быть свидетелем и участником их бесед, видеть, как они работают, думают, спорят — это был академический опыт куда ценнее, чем можно было получить в аудитории. При этом оба они в быту вовсе не были оторванными педантами, как принято изображать профессоров. В их доме не было телефона, поэтому шли к ним без договоренности и предупреждения. Лотманы жили на третьем этаже, на первом располагался венерический диспансер, очередь туда в иные дни доходила до второго этажа. На удивление стоящих я, не спрашивая, «кто последний», гордо шествовал на третий. Будучи крайне занятыми, Юрий Михайлович и Зара Григорьевна могли долго просить извинения, что сейчас они не могут принять для академической беседы, но в то же время всегда настойчиво приглашали на кухню — вид иногороднего студента внушал им непреодолимую потребность его накормить. Вне зависимости от времени суток обязательно вели на кухню «поужинать» чем бог послал. Обычно это было что-нибудь приготовленное на скорую руку вечно занятой Зарой Григорьевной, что в условиях диковинного для советских времен тартуского продуктового относительного изобилия было не затруднительно. Но иногда — как я понял, к приезду Бориса Андреевича Успенского, достаточно часто приезжавшего в Тарту, — обязанности шефа брал на себя Юрий Михайлович, и тогда готовилось нечто изысканное: ростбиф с кровью. Но такое бывало крайне редко. Обычно и Юрий Михайлович, и Зара Григорьевна каждый в своей комнате либо что-то печатали на машинке, либо читали. Они вечно что-то не успевали, что-то оставляли недоделанным и очень из-за этого нервничали. Если только взглянуть на список ими опубликованного, то диву даешься — как они успевали все это написать. Только отпечатать все это, редактировать, править (напомню молодым — компьютеров тогда не было) должно было занять уйму времени. А кроме того, были университетские обязанности, к которым оба относились весьма ответственно, взаимно контролируя друг друга (например, рецензировали курсовые по бартерному принципу — если Юрий Михайлович не успевал прочесть курсовые и дипломные, написанные студентами Зары Григорьевны, — она отказывалась рецензировать курсовые студентов Юрия Михайловича, и наоборот). Вследствие напря-

24 В наше оправдание замечу, что в результате обсуждений были совместно, но по большей части раздельно написаны статьи, которые составили вышедшую недавно книгу: *Золян С.Т., Лотман М.Ю.* Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин: Изд-во Таллинского ун-та, 2012.

женной работы возникали горы черновиков. Зара Григорьевна жаловалась, что Юрий Михайлович не разрешает выбрасывать черновые рукописи уже опубликованных статей. Юрий Михайлович жалобным голосом возражал: «Чем они тебе мешают?! Есть-пить не просят». Приведу несколько эпизодов.

«Это для понимающих людей написано...»

В Тарту из Еревана удобнее было добираться через Ленинград — самолетом, потом ночным автобусом. Приехав в начале сентября и сразу будучи приглашенным на ужин, рассказал о том, что наш рейс задержали из-за группы не очень трезвых геологов, которые вместо коньяка и фруктов везли в рюкзаках какие-то камни. Это вызвало протест носильщиков («что это такое, нас уже совсем за людей не считают, камни заставляют носить»), к которому присоединились пассажиры, резонно опасавшиеся за сохранность вследствие такого соседства своих корзинок с фруктами и чемоданов. Пришедшему начальнику геологи тщетно показывали билеты, в котором было написано, что пассажир имеет право провезти 30 килограммов багажа. «Здесь же написано!» Немногословный начальник лишь скупо проронил: «Это для понимающих людей написано...».

В этом эпизоде очень выпукло проявилась герменевтика советских времен. Юрию Михайловичу эта история очень понравилась, на какое-то время это сделалось его присказкой. Например, я цитировал кого-либо из «классиков» (а Лотман, как правило, с ними не был согласен) он, лукаво улыбаясь, говорил: «Это для понимающих людей написано». Или — уже на кафедре — толкуя пришедшую «сверху» бумагу.

Будучи сам блестящим полемистом, Юрий Михайлович ценил умение возражать. Ему скучно было слышать поддакивания. Он был открыт к диалогу, и его желание понять собеседника (как правило, не понимающего его) ликвидировало все статусные барьеры. Он не делал скидок ни на старость, ни на молодость и всегда говорил на равных. Поэтому мог он и очень изящно и жестоко высмеять, — в том числе и самого себя. Не будучи догматиком, легко мог принять точку зрения оппонента: «По неопытности, ей-богу, по неопытности», — смеясь, примерял он к себе в таких случаях слова Горюхиного.

При этом старался (и находил) оправдание и для того, с чем был не согласен. Так, ему очень не понравилась вышедшая тогда на Западе книга Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным». По тогдашним правилам все написанное диссидентами и изданное в «тамиздате» в «приличном обществе» подлежало восхвалению. Юрия Михайловича осенило: «Так ведь это Хлестаков пишет». И все стало на свои места: для понимающих людей написано.

Топор как инструмент воспитания

Чувство юмора у Юрия Михайловича было не только неисчерпаемым, но и «сиюминутным» — каждый эпизод мог стать поводом для шутки. Как-то, засидевшись за совместной работой с моим другом и соавтором Михаилом Юрьевичем Лотманом, я покидал этот гостеприимный дом на рассвете. Дом был старый, отапливался дровами. Вижу — на лестничной площадке Юрий Михайлович в спальной фуфайке, небритый, с грустно-задумчивым видом стоит,

а в руках — топор. Видимо, его посетила интересная мысль, он забыл о дровах и даже не заметил выходявшего из квартиры гостя.

— Юрий Михайлович, Вам помочь?

Юрий Михайлович не сразу вернулся к действительности. Потом усталым голосом сказал:

— Спасибо, милый Сурик. Не надо. Топор я использую исключительно в воспитательных целях.

Напомню: у Юрия Михайловича было три сына, каждый с неповторимым характером, и все трое очень активные. Когда они собирались вместе, то только и делали, что дразнили друг друга. Было смешно. Юрий Михайлович вмешивался в их споры и дразнил всех троих, но у него выходило куда тоньше и поэтому, наверно, обиднее. Они в ответ начинали грубить. В поведении Юрия Михайловича при всей изысканности манер всегда было нечто мальчишеское.

Один студент как минимум

Юрий Михайлович не следил за посещаемостью, не делал переключек, поэтому, несмотря на его уже тогда всемирную известность, на его лекциях студентов было немного. Как-то в конце семестра на его лекции по XVIII веку было несколько визитеров из Москвы и Петербурга, два стажера из Еревана, кто-то из Риги, но со второго курса Тартуского университета, для кого и предназначалась лекция, были всего двое. Юрия Михайловича это задело. Он сказал, обращаясь к ним максимально строгим и громким голосом:

— Передайте коллегам: Лотман категорически требует, чтобы на его лекциях было как минимум — (сделав паузу) — один студент. В противном случае я лекцию читать отказываюсь.

Впоследствии я также оказывался в аналогичных ситуациях. Поэтому всегда вспоминал этот случай («раз уж к Лотману на лекции по литературе не ходили, то кто будет ходить на лекции по лингвистике...»). А присутствие как минимум одного студента — достаточное условие для чтения лекции.

Лотман-самозванец

В 1975 году в Тартуском университете состоялись третьи Блоковские чтения. Ситуация была достаточно напряженная — «застой крепчал», идеологический контроль усиливался. Ю.М. Лотман и З.Г. Минц несмотря ни на что продолжали работать в прежнем духе свободного академизма. Но нервы были на пределе. Юрий Михайлович прекрасно провел торжественное (достаточно официальное) открытие конференции. В президиуме — поскольку конференция была всесоюзной — кроме него сидели ректор и партком. Партком важно слушал пленарный доклад Евгения Максимова о диалектике Блока и его движению по спирали и одобрительно кивал головой — это по лексике напоминало азы диалектического материализма и закон отрицания отрицания. Ученик Юрия Михайловича Игорь Чернов, обладавший неисчерпаемым запасом до-

вольно специфического юмора и неистребимым желанием подразнить учителя, в перерыве спрашивает:

— Юрий Михайлович, а почему Вы сели в президиум? Вас же никто не выбирал, никто не уполномочивал... Ректор, партком — это понятно. А вот Вы?

Ответ:

— Вы как историк и теоретик культуры обязаны знать, что на Руси издавна практиковалась такая форма протеста, как самозванство. Только из чувства протеста, Игорь...

На закрытии конференции Юрия Михайловича прорвало. Закрывал конференцию доклад Бориса Гаспарова о балаганных мотивах в поэме «Двенадцать». Такие параллели возмутили московского гостя из Союза писателей, органа-инструмента правильного прочтения «революционной поэмы». Видимо, в силу этого он счел себя обязанным поставить на место зарвавшихся ученых, и до этого говоривших бог знает что (например, приводили архивные документы о запрещенной тогда Вольфиле или же нежелательные подробности о смерти Блока от голода). Попытка связать балаган и революцию оказалась критикой апогеем подобного кощунства. Его выступление претендовало подвести итоги конференции и стать ее официальной оценкой.

Но Юрий Михайлович не допустил этого. Срываясь от гнева на крик, но не теряя врожденного изящества, он стал объяснять, что классики, которых мы изучаем, были образованными людьми, сам Блок был профессиональным филологом, а если б на конференции присутствовал Вячеслав Иванов, то никто б из нас и не посмел бы и рта раскрыть. Классики намного образованнее нас, и нельзя судить о них в меру нашего невежества и тем более приписывать им эту невежественность. Последнее слово осталось за ним.

Это притом что Юрий Михайлович всегда был примером учтивости и деликатности. Со всеми не только на «Вы», но и, как он говорил: «С подчиненными я употребляю только формы сослагательного наклонения».

«Точные методы» в гуманитарных науках

Юрий Михайлович требовал точности. Поэтому крайне скептически воспринимал то, что стало появляться с претензией на «якобы точные методы» в гуманитарных науках. Он наставлял меня не гоняться за этой модой и основываться на существующей традиции. Помню его формулировку: «Точные методы — это когда докладчик выходит к доске, пишет на доске латинское f, а потом говорит все, что захочет. А надо — чтобы он не мог говорить, что захочет».

Как этого достичь — благодаря глубокому знанию материала. Надо спуститься к «Праматери» — говорил он, имея в виду драму Грильпальцера. Занимаясь конкретной проблемой, углубляясь в нее, в ней можно увидеть «все», тогда как пытаясь объяснить «все», ничего не увидишь.

Как отличить великого ученого от маститого

По Юрию Михайловичу, это просто: «Начинающий ученый читает все. Маститый ученый читает только себя. Великий ученый ничего не читает».

Меню или еда?

В 1976 году я был на стажировке у Юрия Михайловича, мы должны были выбрать тему. Наслышавшись от моего старшего друга Игоря Чернова о культурологии, я заявил, что хочу заняться культурологией. Поскольку Юрий Михайлович заслуженно приобрел мировую известность именно как семиотик культуры, мне казалось, что он благосклонно отнесется к этому выбору да еще и похвалит меня, тогда четверокурсника, за такой нетривиальный выбор. Но вышло наоборот. Его советом было: как можно меньше читать книг по теории культуры и семиотике и как можно больше — изучать источники. Что же касается теории и методологии, то, по словам Ю.М. Лотмана, в этой области хороших книг не так уж и много — это всего около десяти-пятнадцати фундаментальных книг по лингвистике.

Как правило, свои доводы Юрий Михайлович подкреплял емкими метафорами. Занятия культурологией он сравнил с ситуацией, если некто придет в ресторан и вместо вкусной еды начнет есть... меню. Меню, конечно, нужно, чтобы выбрать, что именно есть. Без него посетителю придется опробовать все, что имеется, пока он не поймет, что ему хочется. «Меню» — это метод, и его даст общее языкознание, примерно с десятков классических трудов. А что касается «еды» — это тексты и факты той или иной культуры. Поэтому вместо культурологии были выбраны трагедии Сумарокова: изучение сюжета виделось как моделирование поведения (доклад по настоянию Лотмана был зачитан на годичной сессии кафедры в декабре 1976 года, опубликован в книге «Семиотика и проблемы коммуникации»²⁵).

Особый тип памяти

Кстати, я бы провалил эту стажировку, если бы не совет Игоря Чернова. После того как мы договорились о моей теме, Юрий Михайлович, казалось бы, забыл обо мне. Я пользовался полной свободой, единственной обязателькой был один день занятий на военной кафедре (но там гоняли по полной). Вместо Сумарокова мы с Михаилом Лотманом взялись за разработку основ генеративной поэтики, которая должна была сменить «их» устаревшую структурную парадигму. Все это происходило в доме Юрия Михайловича — Мише выделили и отделили ширмами от большой прихожей закуток по дороге в туалет. Иногда Юрий Михайлович иронично спрашивал: «Ну что нового великого придумали?», — на что Миша в тон гордо отвечал: «Да вот, вчера ночью модель языковых функций Якобсона усовершенствовали».

Чернов как-то через месяц спросил: а как же Сумароков? Я по наивности: «Да бог с ним. Юрий Михайлович и не спрашивает о нем. Видит, что работаю». Чернов усмехнулся:

— Имей в виду — у Юрия Михайловича особый тип памяти. Хороший или плохой — это другое дело. Он ничего не помнит, если ему в данный момент это не надо. Если я спрошу его сейчас, что у нас Золян здесь делает, — он точно не отве-

25 Семиотика и проблемы коммуникации: сборник статей / Отв. ред. С.Р. Вартазарян. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1981.

тит. Скажет — не знаю, приехал погулять, наверное. Но когда придет срок — он точно вспомнит и спросит: «А что ты сделал?».

И в самом деле — к концу стажировки он потребовал представить результаты.

Юрий Михайлович действительно очень многое «забывал». Например, я как-то попросил у него номер «Семиотики», где были опубликованы переводы его статей по сюжету, и там же статьи Барта. Я увидел журнал в Москве в Иностранке, но не стал читать, надеясь найти его у Лотмана. Юрий Михайлович стал говорить, что и слыхом не слыхал, поблагодарил за информацию, мы вместе подивились бестактности издателей: не только не прислали, но даже в известность не поставили. А когда я пересказал это Мише, то выяснилось, что Юрий Михайлович просто «забыл»: он и этот журнал читал, и другим показывал. Но когда разговор касался актуального на тот момент, Юрий Михайлович безошибочно вспоминал не только источник, но чуть ли не страницу, и вынимал книгу из своей безбрежной библиотеки (к самим книжным полкам он не подпускал). Судя по цитатам из источников, он ничего не забывал из прочитанного им огромного количества книг, но вспоминал о них, только когда это было нужно.

Что касается моих изысканий по сюжету у Сумарокова и возможности описать порождение, то горжусь, что Юрий Михайлович заинтересовался идеей о том, что порождение сюжета надо начинать с финальной ситуации, а персонажи в этих процессах предстают как набор дифференциальных признаков/функций. Привожу эти достаточно специфические детали, чтобы показать, что Юрий Михайлович хорошо разбирался и в столь далекой от него сфере, как порождающие грамматики. Что касается Сумарокова, то, кисло улыбнувшись, он сказал: «А ведь, по правде говоря, бездарный стихотворец». (За точность слов не ручаюсь, но отзыв был уничтожающий). Видимо, счел, что с человеком, осилившим и проанализировавшим все девять сумароковских трагедий, можно быть откровенным. Сам он их также читал. Так, вначале в богатейшей библиотеке университета не могли найти прижизненное собрание сочинений и даже выдали мне листок, что такого издания у них нет. Когда я сообщил об этом Лотману, он возмутился: «Как же так! Это все равно, что пойдете в Лувр, а Вам скажут, что Венеры там нет. Пойдите, скажите, что Лотман лично читал, пусть ищут». В самом деле, том нашелся. А что касается такого отзыва, думаю, для Лотмана поэты и писатели были не объектом исследования, а хорошо ему знакомыми персонами, симпатичными или антипатичными. Поэтому, например, в своих лекциях по XVIII веку он часто, отвлекаясь от основной темы, говорил нечто такое: «Между нами, дрянной человек был, доносчик, карьерист». Так, как будто речь шла о сослуживце по факультету. Если кого любил или не любил, то не скупился на эпитеты.

Лотман, оставшись довольным мною сделанным, предложил прочесть доклад на годичном заседании кафедры. Эта была большая честь для студента — кроме самих сотрудников с докладами выступили Борис Гаспаров и специально приехавшие Александр Жолковский и Борис Успенский. Для него не было ни табеля о рангах, ни иерархии по темам, главным критерием было — интересно это или нет. Он от начала до конца сидел на студенческих конференциях, активно принимал участие в обсуждении. В нем была интересная и крайне необычная особенность — быть демократом и аристократом одновременно.